

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-267-291

УДК 336.741.22

ПРОКЛЯТИЕ БЕЗНАЛИЧНОСТИ И ДЕНЕЖНЫЕ ПАРТИЗАНЫ: РЕПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ РАЗВИТЫХ ДЕНЕГ

Хаустов Дмитрий Сергеевич,

кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Финансы и бухгалтерский учет»,

Иркутский государственный университет путей сообщения,

Россия, 664074, Иркутск, ул. Чернышевского, 15

ORCID: 0000-0002-5807-696X

SPIN-код: 8402-2813

dmitry.khaustov1982@mail.ru

Аннотация

В статье дан обзор актуальных работ, посвященных проблемам природы денег в современном мире. На примере основных положений книг Ф. Мартина «*Money. Неофициальная биография денег*» и К. Рогоффа «*Проклятие наличности*» рассматриваются проблемы сущности денег и их функций. Автор формулирует ключевые противоречия категории «деньги», отвечая на вопрос, чем являются деньги – социальным соглашением или твердым количеством драгоценного металла, что обсуждается в книге Ф. Мартина. В частности, деньги «примитивных» народов могут быть в высшей степени абстрактными и неудобными для накопления – фидуциарными деньгами, стимулирующими доверительные отношения. Этот тезис иллюстрируется денежной системой островов Яп в Тихом океане. Вильям Лаундс, секретарь английского казначейства в конце XVII в., полагал, что деньги – это система кредитных счетов и погашения долгов, в которой наличные играют роль иллюстрации состояния индивидуального счета члена общества. О. Шпенглер писал, что деньги – это функция, сила, ценность которой заключается в их действии, а не в простом наличии. Анализируются локальные денежные системы, деньги с демереджем, отрицательные процентные ставки. Рассматривается идея возможного отказа от наличного обращения. Интересен опыт так называемых «денежных партизан» – локальных платежных систем, которые работают параллельно с официальным денежным обращением. Объясняются причины отказа от бумажных денег в пользу металлических в средневековом Китае. Практика финансистов Хубилая, возможно, была одним из факторов падения династии Юань. Обращение двойной валюты, вероятно, впервые в истории было использовано как репрессивный хозяйственный механизм

в столь широких масштабах. Введение значительных отрицательных процентных ставок может стимулировать различные социальные практики, которые можно охарактеризовать как «коррупция». Сделан вывод о наличии категориальной дихотомии в структуре понятия «деньги» – деньги как товар и как инструмент транзита долгов. Автор полагает, что технологически развитые формы денег могут исполнять репрессивную функцию: вероятно, можно говорить о своеобразном денежном киберпанке по аналогии с киберпанком – жанром научной фантастики, описывающим упадок человеческой культуры на фоне технологического прогресса в компьютерную эпоху. Репрессивная функция денег во многих случаях является латентной для денежного обращения как социального института.

Ключевые слова: функции денег, локальные денежные системы, бумажные деньги средневекового Китая, Сильвио Гезелль, отрицательные процентные ставки, двойная валюта, отказ от наличных денег, камни Ран, денежный киберпанк, репрессивная функция денег.

Библиографическое описание для цитирования:

Хаустов Д.С. Проклятие безналичности и денежные партизаны: репрессивная функция технологически развитых денег // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 4, ч. 2. – С. 267–291. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-267-291.

В статье предпринята попытка проанализировать и сопоставить две в определенной мере контрастные научные работы, посвященные примерно одному кругу проблем – сущности денег и исполняемых ими функций. Речь идет о книге бывшего сотрудника Всемирного банка [17] и монографии бывшего главного экономиста Международного валютного фонда [24]. Автор настоящей статьи представит обзор этих без сомнения любопытных исследований и, разумеется, выскажет собственные соображения по поводу прочитанного.

Современный контекст предметного поля исследования

В последние годы вышло несколько интересных работ, в той или иной мере касающихся природы и функций денег, в частности, в контексте набирающего обороты процесса цифровизации денежной эмиссии.

Книга Брендана Брауна посвящена проблеме, которую также весьма основательно разбирает Кеннет Рогофф, – таргетированию инфляции на уровне 2 % центральными банками экономически развитых стран [33]. Автор данного исследования – в противоположность мыслям К. Рогоффа – полагает проведение такой политики контрпродуктивным. Также Б. Браун высказывает мысли о гипотетической ремонетизации золота. С другой стороны, работа Дэвида Уорвика «Отмена наличных» [40] исходит из той же установки, которой оперирует Кеннет Рогофф: наличные – это более или менее зло, а точнее – «экономическая утечка» (*economic drain*). Избавившись

от наличных, общество решит множество проблем: от уличной преступности до распространения инфекционных заболеваний.

В работе Дэвида Берча [31] выдвигается довольно смелая мысль: современные тенденции технологических сдвигов должны привести к тому, что в недалеком будущем вместо банковских карт для платежей мы будем использовать учетные записи в социальных сетях и мессенджерах. Возможно, это приведет к отмиранию денег и банковского дела: контуры дивного нового мира, где деньгами будет «цифровая идентичность», – увлекательный объект для философских спекуляций. К слову, о чем-то похожем рассказывается в одной из киберпанк-новелл сериала «Черное зеркало» (Black Mirror Season 3, Episode 1), где кредитный рейтинг каждого зависит от числа «лайков» в социальных сетях («Нырок» (*Nosedive*), реж. Джо Райт, 2016). В этом же русле написана работа Майкла Фертика и Дэвида Томпсона [34], посвященная анализу «репутационной экономики» и оптимизации (лучше сказать – заметанию) цифровых следов в мире, где репутация – это самый уязвимый актив, определяющий в том числе и банковскую ставку по кредитам обладателя того или иного «цифрового образа». Подобные мысли в чем-то созвучны рассуждения Ф. Мартина, о чем ниже.

И, разумеется, нельзя не упомянуть о криптовалютах. Книга «Эпоха криптовалют: как биткойн и блокчейн бросают вызов мировому экономическому порядку» [38], как кажется, пытается представить некоторое осмысление феномена криптовалют и технологии блокчейн в контексте структурных сдвигов в мировой экономике и международных финансах. Вышедшее из печати летом 2019 г. издание [37] носит несколько более прикладной характер и не только пытается дать ответ на вопрос, вынесенный в заголовок: «Блокчейн – это спекулятивный пузырь или революция?», но и рассказывает, зачем блокчейн корпорациям Microsoft, Facebook и Walmart, являются ли криптовалюты ценными бумагами, а также издание анализирует эмитированные криптовалюты и т. д.

В своем обзоре также хотелось бы остановиться на изданиях, сравнительно недавно вышедших на английском языке и довольно быстро переведенных на русский. Сама по себе оперативность перевода, на наш взгляд, может служить неким маркером качества рассмотренных ниже текстов.

Работа доцента Копенгагенской бизнес-школы Уле Бьерга «Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма» [7, 32] пытается осмыслить производство безличных денег банками через применение идей Славоя Жижека, Жака Лакана и Мартина Хайдеггера. В основном автор книги опирается на идеи Жижека, в особенности на выделенные словенским философом три онтологических порядка: реальный, символический и воображаемый [7, с. 25]. Последовательно разбирая товарную, фидуциарную и кредитную теорию создания (происхождения) денег, Уле

Бьерг приходит к выводу о том, что мы живем в мире посткредитных денег – денег без наличных: «Создание кредитных денег через одновременный выпуск кредита и внесение депозита рисует картину, в которой где-то есть реальные наличные, обеспечивающие всю транзакцию. <...> Реальных наличных там никогда не было. Они являются “чисто виртуальными, не существующими на самом деле”. Это не значит, что у наличных несущественная роль. Чтобы система функционировала, жизненно необходимо поддерживать фантазию о том, что стоимость кредитных денег в конечном счете будет обеспечена наличными. Однако эффективность системы кредитных платежей и межбанковской расчетной системы означает, что наличные могут физически не присутствовать. Вера в наличное обеспечение означает, что наличные работают, даже будучи исключительно виртуальными» [7, с. 214]. Складывается ощущение, что данный пассаж Уле Бьергу помогал писать Вавилен Татарский.

Работа «Конец банковского дела. Деньги и кредит в эпоху цифровой революции», написанная швейцарским экономистом Йоргом Мюллером и анонимным инвестбанкиром, взявшими на двоих один псевдоним «Джонатан Макмиллан» [15, 36], те же проблемы описывает в более практическом ключе. В данной работе очень доходчиво объяснены основы работы банковского дела [Там же, с. 23–61] и функционирование теневого банковского сектора [Там же, с. 65–130]. Очевидно, что указанная книга написана для презентации некоего комплекса реформ, чему посвящена ее заключительная часть – «Финансовая система цифровой эпохи» [Там же, с. 133–206]. «Финансовая система, лишенная банковского дела, имеет два фундаментальных отличия от банковской системы: она разделяет функции денег и кредита и устанавливает четкие границы между государственной и частной сферой» [Там же, с. 197]. Автор предлагает реформу бухгалтерского учета [Там же, с. 169–184], а также использование платы за ликвидность (налог на использование денег) и безусловный доход для всех граждан как основные и единственные инструменты поддержания системы цен [Там же, с. 185–196]. «Джонатан Макмиллан» полагает, что помочь этому сможет широкое внедрение криптовалют и отказ от наличных [Там же, с. 188].

Книга Адама Гринфилда посвящена технологиям будущего [11, 35], и одна из глав детально и доходчиво объясняет принцип работы криптовалют на примере биткоина [Там же, с. 161–197]. Автор делает вывод, что использование криптовалют в качестве денег крайне маловероятно по ряду причин: затруднения в их использовании как средства платежа, очень большие сложности с обналчиванием, высокая волатильность криптовалют. Но главное – невозможность обеспечить фактическую анонимность, высокие энергозатраты на майнинг и ползучая монополизация эмиссии биткоина рядом крупных инвесторов ставят крест на перспективе превра-

щения в обычные деньги конкретно этой криптовалюты. Хотя криптовалюты активно применяют для транзакций в так называемом даркнете – особенно при купле-продаже наркотиков [29, с. 178–182; 39].

Таким образом, феномен криптовалют перезапустил очень старую дискуссию о природе денег. Рассмотрим мысли Кеннета Рогоффа и Феликса Мартина по этому поводу.

**«Деньги не средство обмена, а социальная конструкция»,
или Хроника денежной партизанщины**

Первые страницы книги Ф. Мартина напоминают описание «кольца Кула» Карла Поляни [23, с. 58–65] или экономику дара Марселя Мосса [20, с. 134–163]. В качестве вводного сюжета дается описание денежной системы островов Яп в Тихом океане. Деньгами до прихода европейцев там служили *раи* – «большие и плотные каменные колеса диаметром от фута до двенадцати, с отверстием в центре, различающимся в зависимости от размеров камня, в которое при необходимости транспортировки могла быть вставлена палка достаточной прочности» [17, с. 10]. При этом совсем необязательно было передавать раи из рук в руки для перехода прав собственности на них. Например, в одной из деревень жила известная своим богатством семья, достояние которой никто из ныне живых не видел – «семейным капиталом был гигантских размеров раи, о существовании которого все знали только из легенд; на протяжении жизни последних двух или трех поколений он покоился на дне океана!» [Там же, с. 11]. В сущности, на островах Яп существовала кредитная денежная система, которую в зависимости от исследовательской ориентации можно назвать безналичной или же использующей «воображаемые деньги».

Таким образом, *деньги «примитивных народов» могут быть в высшей степени абстрактными и неудобными для накопления – фидуциарными деньгами, стимулирующими доверительные отношения.*

Возможно, даже еще более интересна история о том, как в 1970 г. по всей Ирландии закрылись банковские учреждения из-за забастовки служащих, и не самая маленькая европейская страна в течение полугода вообще жила без коммерческих банков. Экономические агенты обналичили часть счетов и депозитов, однако по большей части расчеты внутри страны осуществлялись посредством чеков и просто долговых расписок. Особенно примечательны два факта: устойчивый рост экономической активности в этот период и роль пабов и маленьких магазинчиков, которые собирали, обеспечивали и гасили чеки! [Там же, с. 29–34]. В связи с этим уместно вспомнить о существовании в Англии времен Тюдоров и Стюартов народных кредитных систем – систем безналичного денежного оборота, основанных на добрососедстве, где для большинства селян настоящим средоточием социальной

и нравственной жизни была не церковь, а местная пивная: внутригрупповая солидарность выражалась чаще в народных празднествах. Основой описываемого общества считались в первую очередь любовь и приязнь среди друзей и родственников – это были сети, основанные на повседневном доверии и взаимопомощи. Рыночные отношения не противоречили духу общинности, а, напротив, были ее продолжением, поскольку рынки в условиях хронического дефицита наличности действовали исключительно на основе доверия и кредита [10, с. 338]. Вполне возможно, что эти своеобразные кредитные сети действовали в разного рода «отдельных типа республичках», как в недавно опубликованной работе были охарактеризованы территориально изолированные локальные сельские сообщества севера европейской части современной России [22]. Всё это, конечно же, недалеко от упомянутой выше «репутационной экономики».

Примечателен беглый обзор «денежных партизанов» – локальных денежных систем, функционирующих наряду с общенациональной валютой [17, с. 80–86]: значительное внимание уделено феномену аргентинского корралито 2001–2002 гг. (см. подробнее: [1, с. 510–516]) и развитию на фоне сжатия наличного денежного оборота разнообразных денежных суррогатов в Аргентине, России и на Украине. Откуда же берется денежная партизанщина, ведь деньги частных структур, как правило, не подкреплены даже авторитетом государства, не говоря уж о том, что их материальный носитель – это не благородные металлы либо что-то иное, имеющее самостоятельную, существующую вне сетей доверия ценность? Отвечать на этот вопрос автор начинает с обсуждения будто бы неожиданного вопроса: Ф. Мартин описывает создание Международной системы единиц (СИ) [17, с. 55–61]. Решение о создании последней символизировало фундаментальную перемену в мировоззрении человечества, поскольку оно предполагало разработку универсальной единицы измерения, важнейшую роль в создании современной глобальной экономики, а также вклад в развитие мысли. Эта же революционная триада встречается и в сфере денег [Там же, с. 61].

Такое внимание к функции денег как единицы измерения (меры стоимости) достаточно редко. Например, два нобелевских лауреата в своей совместной работе отмечают, что «экономисты уделяют мало внимания роли денег как единицы измерения. Между тем люди оперируют денежными единицами: ими выражается стоимость контракта, ими пользуются бухгалтеры, юристы и налоговики» [2, с. 70]. Вообще, дальше марксова пассажа – «Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения стоимости, то есть для того чтобы выразить стоимости товаров как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. <...> Деньги как мера стоимости есть не-

обходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости...» [16, с. 148] – теоретики довольно часто не идут.

Всё дело в том, что «деньги – не средство обмена, а социальная конструкция, состоящая из трех фундаментальных элементов. Первый из них – абстрактные единицы ценности, в которых измеряются деньги. Второй – система счетов, благодаря которым можно вести учет долгов и кредитов физических лиц или учреждений и осуществлять торговлю между ними. Третий – возможность передачи кредитором полученного обязательства третьей стороне для погашения другого долга» [17, с. 34, 35]. В общем, деньги – это базовый элемент экономики долга¹, описанием которой занимается стандартная экономика.

Общеизвестно, что споры о природе денежных знаков велись задолго до начала XX в.: например, этим вопросам посвящали свое время Платон и Аристотель [28]. Одним из интереснейших моментов книги Ф. Мартина является анализ борьбы идей о сущности денег в Англии времен Реставрации и Славной революции. Конкурирующие концепты можно условно назвать концепцией Уильяма Лаундса, секретаря английского казначейства в конце XVII в., и концепцией Джона Локка – врача, философа и теоретика денежной системы [17, с. 148–154].

Лаундс исходил из тех же соображений, что и автор «Неофициальной биографии денег»: «Деньги – это система кредитных счетов и погашения задолженностей, в которой наличность играет роль наглядной иллюстрации состояния индивидуального счета того или иного члена общества» [Там же, с. 21]. То есть вполне в духе О. Шпенглера: деньги – это функция, сила, чья ценность заключается в ее действии, а не простом наличии. Сами по себе денежные знаки и их номинал не очень важны. Именно об этом писал автор «Заката Европы», отмечая, что «...символом мыслящихся здесь функциональных денег, тем, что только и возможно поставить рядом с античной монетой, является не книжная запись, а также не вексель, чек или банкнота, но акт, посредством которого функция оказывается выполненной в письменном виде, чисто историческим свидетельством чего является ценная бумага в широчайшем смысле» [30, с. 957].

Иначе говоря, Лаундс был сторонником гибкого денежного стандарта. В целях борьбы с обрезанием монет он просто предлагал скорректировать стоимость фунта стерлингов на рыночную оценку содержащегося в монетах серебра: «Падение стоимости денег необходимо признать и поднять цену, которую денежный двор платит за серебро – или же понизить объем серебра в полновесной, отчеканенной государством монете» [17, с. 149].

¹ Термин «экономика долга» иногда используют экономические антропологи как антитезу «экономики дара».

Джон Локк считал по-другому. По его мнению, «люди в своих сделках договариваются не о денежных знаках, а о неотъемлемой ценности, то есть о количестве серебра, которое содержится в этих денежных знаках» [17, с. 151]. Идея, что монета может сохранить свой номинал, утратив 20 % содержащегося в ней драгоценного металла, казалась Локку кошунственной – это как если бы «удлинить фут, поделив его не на двенадцать, а на пятнадцать частей, и каждую из них всё равно назвать дюймом» [Там же]. В этом рассуждении опять «всплывает» функция денег как единицы измерения. В общем, деньги – это и есть серебро или золото, а денежный стандарт – такой же естественный факт бытия, как и Мир идей Платона: «... пребывавший от античности в оцепенелом изумлении Запад чеканил монету, и не только как знаки суверенитета, а будучи в уверенности, что это-то и есть несомненные деньги, реально соответствующие его экономическому мышлению. Точно так же еще в эпоху готики было перенято римское право с его отождествлением вещи и телесной величины и эвклидова математика, построенная на понятии числа как (физически наглядной. – Д. Х.) величины» [30, с. 957].

Поэтому порча монеты стала нравственным вопросом. Правительство в Лондоне выступало против подмешивания неблагородных металлов к чистой «вечной» сути монеты. Как следствие, на Британских островах почти повсеместной практикой стало обрезание монет, которое можно рассматривать как своего рода народную версию девальвации. Такая операция подразумевала тайное отпиливание серебра с краев монет и их последующее сдавливание, с тем чтобы казалось, будто их размер не изменился [10, с. 346]. Таким образом, речь опять идет о денежной партизанщине, которая возникает практически неизбежно в определенных социально-экономических условиях. По нашему мнению, к таким условиям относится неадекватное представление о природе денег, приводящее к утрате доверия в обществе.

Другой причиной тлеющей денежной герильи является необходимость платить установленные государством налоги и сборы. И Кеннет Рогофф предлагает кардинальное решение – отказ от наличности.

Нал и безнал: чье проклятие для России ужаснее?

Работа Кеннета Рогоффа уже на уровне концепции вызывает бурю противоречивых эмоций. Если в нескольких словах, то автор предлагает две взаимосвязанных вещи: сначала максимально снизить объем бумажных денег в обороте, в идеале заменив их монетами крупных номиналов, а затем разрешить центральным банкам широко применять отрицательные процентные ставки по учетным операциям. Первая мера направлена против уклонения от уплаты налогов, нарушений иного государственного регулирования, про-

блем с преступностью и даже рассматривается как профилактика распространения заболеваний! Вторая мера, по мысли автора, направлена на повышение эффективности монетарной политики. Связь между этими двумя операциями очевидна: при попытке ввести монетарными властями отрицательные процентные ставки ниже определенного значения экономические агенты начнут «убегать в наличность», опустошая банковские счета и депозиты. Если же в обращении будут находиться только монеты и купюры мелких номиналов, то хранение крупных сумм наличных денег и расчеты с их использованием могут стать слишком обременительными: попробуйте вместо купюры в 5000 рублей расплатиться монетами даже самого крупного на данный момент массового номинала в 10 рублей!

В книге довольно много любопытной статистики, что придает ей гораздо более академический вид по сравнению с монографией Ф. Мартина: главы с третьей по пятую обильно снабжены количественными оценками, таблицами и графиками [24, с. 83–171]. Из них мы можем узнать о постоянном росте доли 100-долларовых купюр в структуре наличного оборота [Там же, с. 86, 87], о том, что у японцев на руках наличности в относительном измерении в два раза больше, чем в США [Там же, с. 89–91], или, например, факт почти повсеместного доминирования в структуре наличного оборота банкнот самого крупного номинала [Там же, с. 92–98]. Большой интерес представляют методы оценки хранящейся за границей наличности, прежде всего доллара США. Кроме официальной таможенной статистики декларирования ввоза-вывоза денежных сумм можно пользоваться следующими методическими ноу-хау: сравнить коэффициенты отношения объема бумажных денег к металлическим в Канаде и США (Канаду автор использует в качестве эталона – бенчмарка – для ее южного соседа), оценить разницу в спросе на наличность до и после Рождества для тех же стран, воспользоваться «биометрическим методом» оценки вернувшихся в ФРС банкнот определенных серий по аналогии с ловлей ранее окольцованных птиц [Там же, с. 101–107].

Анализ статистики торговых сетей и опросов жителей США и ЕС показал, что в легальной экономике находится незначительная доля всех напечатанных денег, однако мелкие купюры продолжают пользоваться устойчивым спросом у населения – особенно у наиболее бедных его слоев, не имеющих даже дебетовых карт и вынужденных всюду расплачиваться банкнотами и разменной монетой [Там же, с. 128]. Весь остальной оборот приходится на теневой сектор, что и рассмотрено в главе 5 исследования [Там же, с. 129–171].

С другой стороны, эти филиппики против наличности также весьма неоднозначны. Но вполне возможно, что автор данной рецензии пристрастен, поскольку он родом из России. Весьма поучительно рассмотреть случаи упоминания России в тексте «Проклятия наличности».

Научный редактор перевода книги Рогоффа отмечает, «что Россия и здесь удивительная и особенная страна – во всем мире отмыванием средств называется превращение наличных денег в безналичные, а у нас ситуация обратная – безналичные средства различными способами обналачиваются, при этом возникают и уход от оплаты налогов, и другие нарушения законодательства» [3, с. 13]. При этом сокращение наличного денежного обращения в нашей стране может быть вызвано двумя факторами – изменениями законодательства и деятельностью банков, экономически заинтересованных в расширении безналичного оборота. В настоящее время Банк России ограничивает расчеты наличными между юридическими лицами суммой в 100 тысяч рублей, однако расчеты с использованием наличных между физическими лицами, а также между физическими и юридическими лицами ничем не ограничиваются. Как кажется, ограничение оборота наличных платежей не является значимой целью для Центрального банка [Там же, с. 11, 12].

Что же касается непосредственно самой работы К. Рогоффа, то Россия в ней также не раз упоминается, при этом авторские ремарки достаточно показательны. Например, данные по России присутствуют в статистических выкладках, приводимых Рогоффом. В большинстве случаев количественные показатели РФ – в рамках средних значений по выборке [24, с. 93, 95–97]. Примечательно, что по России нет данных о доле теневой экономики в структуре ВВП [Там же, с. 141]. Как тут не вспомнить недавно опубликованную работу, в которой доказывается практическая невозможность разделения формального и неформального секторов отечественного народного хозяйства! [21, с. 12–15]

Единственное и при этом симптоматичное исключение – данные по доходам от сеньоража центральных банков ряда стран. Здесь РФ на первом месте по соотношению доходов от сеньоража к ВВП за период с 2006 по 2015 г. Автор рецензируемого исследования объясняет это так: «Государство получает высокий доход от налогов благодаря высокому уровню инфляции в условиях большого количества наличных денег в обращении, что, в свою очередь, связано с укоренившейся традицией коррупционной системы использовать наличные средства» [24, с. 179]. На наш взгляд, такое объяснение сложно назвать кристально ясным. На чьей совести процитированный пассаж – автора или переводчика, нам неизвестно. Вероятно, имеется в виду значительная величина сеньоража в доходах расширенного Правительства РФ: широко известно, что себестоимость изготовления любой денежной купюры составляет всего несколько рублей. В то же время для чеканки монет ситуация обратная: недаром Банк России отказался от выпуска монет номиналом 1 и 5 копеек, себестоимость производства которых составляла 47 и 69 копеек соответственно. За 2010–2014 гг.

количество выпущенных банкнот и величина сеньоража в РФ устойчиво росли [18].

Прочие упоминания о России и русских в основном тексте книги довольно забавны. В частности, после лекции, прочитанной Кеннетом Рогоффом в 2014 г. в Мюнхенском университете, Отмар Иссинг, один из бывших топ-менеджеров Европейского центрального банка, выразил резкое несогласие с точкой зрения автора «Проклятия наличности», сказав, «что бумажные деньги – это “свобода, отлитая в монеты” (реверанс в сторону Достоевского и его “Записок из Мертвого дома”», которую никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя ставить под угрозу и уж тем более отказываться от нее» [24, с. 42, 43]. Собственно, Федор Михайлович писал: «Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишенного совершенно свободы, они дороже вдаятеро. Если они только брякают у него в кармане, он уже вполонину утешен, хотя бы и не мог их тратить. Но деньги всегда и везде можно тратить, тем более что запрещенный плод вдвое слаще» [12, с. 17]. В этом отрывке сказано очень многое об отношении россиян к денежным знакам, и обстоятельный анализ этого высказывания достоин самостоятельного исследования. Впрочем, еще Александр Гершенкрон, который был не только талантливым экономистом, но и состоялся как славист, одну из последних своих работ посвятил временному горизонту в русской литературе! [9]

В предисловии к русскому изданию своей книги автор успокаивает читателей относительно РФ, что «было бы слишком рано говорить о переходе к обществу с меньшим количеством наличных денег. Это несвоевременно, даже если отбросить и другие факторы, включая западные экономические санкции, которые имеют непосредственное отношение к некоторым видам электронных платежей» [24, с. 23]. Несвоевременность этой мысли определяется высоким уровнем инфляции в РФ, в особенности в сравнении с зоной евро и США. Россияне и так стараются потратить значительную часть денег, прежде чем их обесценит инфляция, разгоняемая ростом тарифов и ставок косвенных налогов. У нас не наблюдается «ловушки ликвидности», характерной для экономик стран ЕС и Северной Америки в настоящем.

Интересно, что «российская тема часто всплывает в разговорах с сотрудниками Федеральной резервной системы и Казначейства США. Они в восторге от того, насколько популярной остается в России 100-долларовая купюра, которая используется для проведения транзакций в обход банков и других официальных организаций <...> Иногда сотрудники Казначейства США и Федеральной резервной системы утверждают, что купюра в 100 долларов – это мощное средство, которое служит на благо таким странам, как Россия, а также что это еще и источник прибыли» [Там же, с. 24].

Судя по этим высказываниям, и РФ, и США бесконечно далеки от полностью безналичного мира. Однако Россия в очередной раз походя стигматизируется как «коррупционер», что вообще-то не очень далеко от ярлыка «варвар», которым эллины презрительно называли негреческие народы. Исследования антропологов говорят о том, что коррупция – аналог средневековой магии в современной картине мира [25], а «варвары» – один из древнейших социальных конструкторов [27, с. 167–169].

Отрицательные процентные ставки и двойная валюта: репрессивность технологически продвинутых денег

Большое место в работе Рогоффа уделено введению отрицательных процентных ставок как одного из потенциально многообещающих инструментов монетарной политики ближайшего (или не очень) будущего.

Например, в тексте книги есть описание эксперимента Банка Японии, который в январе 2016 г. принял решение, в соответствии с которым для коммерческих банков устанавливается отрицательная ставка размером в 0,1% на любые дополнительные резервы, размещаемые на корсчетах ЦБ в дальнейшем. Предположительно такая политика будет способствовать улучшению результатов, полученных благодаря политике количественного смягчения, поскольку описываемые мероприятия будут сильнее мотивировать банки конвертировать в кредиты любые новые поступающие им средства, нежели хранить их на счетах Банка Японии под отрицательный банковский процент [24, с. 322].

Разумеется, автор анализируемой работы осознает, что «главное опасение, которое вызывает политика отрицательных процентных ставок, – это потенциальная возможность перевода в наличные деньги средств, хранящихся на банковских счетах, а также продажи казначейских векселей» [Там же, с. 323]. «Неблагодарное» население почему-то не захочет идти на материальные жертвы, приносимые на алтарь экономического роста. Впрочем, дело не только в населении, но и в поведении коммерческих банков: последние просто перестанут держать резервы ЦБ и обменяют их на наличные деньги. Поэтому пока что центральные банки Дании, Швеции, Японии и ЕЦБ снижали учетную ставку только чуть ниже, чем 0%. Это объясняется расходами на инкассирование, благодаря чему держать наличность в хранилище немного накладнее, чем резервы в ЦБ [15, с. 127].

В связи с рассмотренным пилотным проектом Банка Японии стоит упомянуть так называемые деньги с демереджем и, в частности, идеи Сильвио Гезелля. Сильвио Гезелль вел торговые дела в Латинской Америке, был министром недолговечной Баварской советской республики и ученым-самоучкой первой половины XX в. Этот отчасти незаслуженно забытый экономист полагал, что налог на деньги позволит увеличить их оборо-

чиваемость и простимулирует экономическую активность в целом: «Только те деньги, которые приходят в негодность, как вчерашние газеты, как прошлогодний картофель, как железка, пролежавшая в земле сто лет, и могут быть настоящими деньгами, т. е. инструментом для обмена тех же газет, картофеля, железа и т. д. Потому что такие деньги никто не будет отличать от собственно товаров, которые потребляет человек, никто их не будет никоим образом отличать, как нечто лучшее. <...> И тогда, и только тогда деньги станут тем, что они есть в самом чистом виде: средством обмена, помощником при обмене товарами» [8, с. 311].

Гезелль предлагал ввести «маркированные деньги» («свободные деньги»), то есть деньги, которые можно было бы использовать, только приобретая и наклеивая на купюры специальные марки. Таким образом предполагалось взимать налог на использование денег, что является альтернативой отрицательным процентным ставкам. В ходе Великой депрессии было несколько локальных экспериментов по внедрению денег с демереджем в Германии, Австрии, Швейцарии, США и Канаде. Когда рассказывают об этом авторе, то обязательно пишут, что его идеями вдохновился Ирвинг Фишер, а Джон Мейнард Кейнс удостоил его сдержанной похвалы. Однако Кейнс, что цитирует и Рогофф, говорит также о недостатках учения Гезелля: «В частности, он (Гезелль. – Д. Х.) не учел того, что не только деньгам присуща премия за ликвидность и что деньги отличаются от других товаров только тем, что премия по ним выше, чем по любым другим товарам. Если бы денежные знаки были лишены их премии за ликвидность введением системы наклейки марок, то их место заняли многочисленные суррогаты: кредитные деньги, долговые бессрочные обязательства, иностранная валюта, ювелирные изделия и драгоценные металлы и т. д.» [13, с. 412, 413]. Именно этот фрагмент цитирует Рогофф [24, с. 328, 329]. В этом разделе работы Рогоффа приводятся разные интересные и местами курьезные варианты воплощения идей Гезелля в наше время: наклеивание марок на купюры он не считает такой уж смешной мыслью, однако сам описывает несколько по-своему забавных альтернатив. Например, центральный банк может проводить лотереи, в которых будут разыгрываться номера купюр, находящихся в обращении. Купюры, номера которых не выпали, больше не считаются платежным средством, что живо напоминает «Лотерею в Вавилоне» Борхеса. Более реалистичным видится выпуск денег со специальными магнитными полосами и встроенными микрочипами, а также развитие технологий низкочастотных аппаратов для сканирования купюр, которые в будущем начнут изготавливать из пластика [Там же, с. 329–333]. Изъян концепции Гезелля, по мнению Рогоффа, в том, что «никогда не удастся избавиться от его главной проблемы: если купюры циркулируют вне банковской системы, то представителям розничной торговли придет-

ся решать, какой дисконт должна иметь эта купюра. Новые купюры будут иметь одинаковую стоимость, однако по купюрам, которые в течение длительного времени находились вне банковской системы, возникнет налоговая задолженность. <...> А это, в свою очередь, ухудшит фундаментальные свойства любой хорошей валюты: снизит ликвидность и уменьшит однородность денег» [24, с. 332, 333]. Таким образом, марочные деньги (по крайней мере, на общенациональном уровне) автор «Проклятия наличности» считает неудачной альтернативой отрицательным процентным ставкам.

Возможно, наиболее важной идеей в работе Рогоффа является введение «системы двойной валюты Роберта Эйслера» в рамках «подхода хана Хубилая – Эйслера – Бьютера – Кимбалла» [Там же, с. 334–346]. В соответствии с этой идеей государство должно ввести в оборот два типа денежных знаков: один – для использования во внутри- и межбанковских расчетах, другой – собственно бумажную валюту для использования во всех остальных областях жизни. Предполагается, что деньги для расчетов внутри банковской системы будут наделены теми же функциями, что и обычные деньги: это будет единица учета, платежное средство, принимаемое для уплаты налогов и выплаты всех долгов, а также средство для осуществления финансовых операций. Это будут настоящие деньги во всех отношениях, кроме отсутствия у них вещественной формы. Также предполагается, что государство будет отдельно эмитировать бумажную валюту, которая будет использоваться в розничных платежных операциях. Однако эти деньги не будут служить единицей учета, и, что очень важно, между двумя валютами будет установлен обменный курс, отличный от 1:1 [Там же, с. 335, 336]. Используя этот механизм, предполагается удерживать налог с отдельных денежных купюр в зависимости от того, как долго они находились в обращении, и одновременно сохранять все денежные средства полностью однородными: К. Рогофф, как и Ф. Мартин, как нам кажется, также полагает функцию денег как меры стоимости важнейшей.

В названии данного подхода присутствует имя хана Хубилая, внука Чингисхана, ставшего императором Поднебесной. Известно, что бумажные деньги были изобретены в раннесредневековом Китае – «летающие деньги» (фэнцзяни), названные так, потому что на ветру они могли разлететься. Пионерному опыту Китая посвящено несколько страниц работы Рогоффа [Там же, с. 65–73]. По его мнению, самая интересная особенность этих денег заключалась в том, что их «обменный курс» составлял лишь половину обозначенной на них номинальной стоимости в серебре. Это правило соблюдалось даже при их обмене на серебро казначейством Хубилая [Там же, с. 68, 69]. Далее К. Рогофф описывает, как вызванная печатанием летающих денег гиперинфляция привела к 1500 г. к прекращению бумажной денежной эмиссии в Китае. Однако это не вся правда.

В результате политики монгольской династии Юань в Поднебесной появилось довольно много отягощенных долгами беглых крестьян, которые перебивались случайными заработками. Ради справедливости стоит отметить, что монгольское правление в Китае совпало с разнообразными климатическими и эпидемиологическими катаклизмами, что и привело к коллапсу государственности в XIV в. Правление династии Юань было необычно коротким, и население Китая в рассматриваемый исторический период, по всей видимости, так и не достигло максимума предшествующей эпохи династии Сун, даже не приблизившись к нему в сколько-нибудь заметной степени [14, с. 89]. Многие безземельные крестьяне стали старателями на приисках драгоценных металлов. Началась своеобразная серебряная лихорадка, повсюду появились незаконные шахты. Вскоре в теневой экономике нечеканенные серебряные слитки сменили официальные бумажные деньги и связки бронзовых монет в качестве фактических денег. В ответ на попытки закрыть нелегальные шахты, предпринятые центральным правительством в 1430–1440-х гг., на местах вспыхнули восстания, в ходе которых шахтеры, выступая заодно с безземельными крестьянами, осаждали близлежащие города, а иногда угрожали целым провинциям.

В конце концов центральное правительство отказалось даже от попыток побороть эти нелегальные хозяйственные практики и полностью сменило тактику: прекратив выпускать бумажные деньги, оно узаконило шахты, позволив использовать серебряные слитки для совершения крупных сделок и даже разрешив частным монетным дворам изготавливать связки наличности. Этот комплекс мер позволил властям постепенно отойти от натурального налогообложения в форме принудительного труда, заменив его единообразной системой налогов, которые выплачивались серебром [10, с. 318, 319].

В этой истории интересно то, что *«продвинутая» система двойной валюты применялась как механизм хозяйственных репрессий*: как кажется, с ее помощью китайским крестьянам была навязана непосильная барщина, что и спровоцировало череду волнений.

Интересно, что серебро, необходимое для ремонетизированной системы налогообложения Китая, зачастую происходило из испанских колоний в Новом Свете: существуют оценки, что минимум половина серебра, выплавленного в Америке с 1571 по 1821 г., попала в итоге в Поднебесную [6, с. 186].

Таким образом, случился интересный исторический разворот, когда *«более продвинутые» бумажные деньги усилили крестьянскую эксплуатацию, вызвали социальный взрыв и привели к возврату полноценной монеты*, благодаря чему заметная часть серебра Америки, вывозимого европейцами, осела именно в Китае в XV–XVII вв.: подданные Поднебесной выбрали «отчеканенную свободу».

Денежный киберпанк etc.

Сам К. Рогофф анализирует несколько подходов к организации функционирования двойной валюты, из которых наиболее понятный для неспециалиста – это предложения Агарвала и Кимбалла, которые, с одной стороны, не берут на вооружение идею полного отказа от существующих бумажных денег, а с другой – «предлагают, чтобы центральный банк (или аналогичная структура) установил процентную ставку для наличных денег, которая будет взиматься лишь в том случае, если банк инкассирует наличность в центральный банк. Таким образом, когда люди принесут деньги в частный банк с целью оформления депозита, с них будет взиматься плата согласно обменному курсу, однако с частного банка ни в коем случае не потребуются взимать с граждан налог для дальнейшего перенаправления его в государственную казну» [24, с. 341].

К чему может привести тотальное применение такого подхода? Рискну предположить, что к возникновению разнообразных компенсирующих социальных технологий, которые можно будет охарактеризовать как «коррупцию». В общем-то, речь идет о воздействии широких слоев общества на политику правительства «на стадии исполнения законов» (формулировка известного антрополога Джеймса Скотта). Этот исследователь полагает, что «коррупцию зачастую удобнее рассматривать как один из процессов политического влияния, нежели как просто злоупотребление должностью, нарушающее общественные нормы» [26, с. 31].

Поскольку план К. Рогоффа не предполагает масштабных экспроприаций, а больше всего от системы двойной валюты должны пострадать крупные компании, то можно не сомневаться, что издержки корпораций будут переложены на население, в том числе через реализацию разного рода сомнительных финансовых схем. Разумеется, значение будет иметь величина налога на использование наличных.

Прочтение книг Феликса Мартина и Кеннета Рогоффа оставило у автора данного текста чувство некоторой двойственности. Нам кажется, что противоречивость и двойственность являются необходимым структурным элементом анализируемых текстов.

По нашему мнению, в основе «Money» лежит дихотомия, заложенная в самой категории «деньги»: чем являются деньги – одним из товаров или социальной технологией транзита долгов? Ответ на этот вопрос запускает разные последовательности событий, и «порча монеты» из их числа. Одной из центральных тем «Проклятия наличности» является оппозиция «наличные – безналичные» и введение двойной (бумажной и безналичной) валюты. Практика финансистов Хубилая, возможно, была одним из факторов падения династии Юань. *Обращение двойной валюты, вероятно, впервые в*

истории было использовано как репрессивный хозяйственный механизм в столь широких масштабах – для этого применялись технологически развитые денежные знаки и механизмы их обращения. Собственно, это было отмечено еще в XIX в. историком Александром Брикнером, в одной из работ которого сравниваются медные деньги царя Алексея Михайловича и бумажные деньги в Швеции на завершающем этапе Северной войны [5]: в обоих случаях происходили волнения, голод и итоговая отмена технологически продвинутых денег. Напротив, деньги «примитивных народов» могут быть в высшей степени абстрактными и неудобными для накопления – фидуциарными деньгами, стимулирующими доверительные отношения. Этот тезис иллюстрируется денежной системой островов Яп в Тихом океане. При всей своей критике криптовалют Адам Гринфилд отмечает, что «...в биткойне есть нечто ценное. Оказывается, координация сторон, которые не знакомы друг с другом, не всегда друг другу доверяют, более того, которым ни в коем случае не следует друг другу доверять, – это нерешенная задача, над которой долгое время бьются многие дисциплины и заинтересованные сообщества. <...> Если блокчейн можно отделить от биткойна, то не исключено, что идея сетевых, самоподдерживающихся условий для получения консенсуса получит дальнейшее развитие, преодолев ограничения самого блокчейна» [11, с. 196, 197].

В принципе эта противоречивость типична для мира финансовых отношений, где прибыль часто получают при отделении денежного номинала от материала изготовления денежных знаков [4, с. 20–37]. Нам кажется, что можно говорить о своеобразном *денежном киберпанке* по аналогии с киберпанком – жанром научной фантастики, описывающим упадок человеческой культуры на фоне технологического прогресса в компьютерную эпоху.

Примечательно, что проект (очередного?) «конца банковского дела», предложенный «Джонатаном Макмилланом», также предполагает фундаментальное разделение: деньги будут эмитироваться только государством и использоваться как средство текущих платежей, а кредитные средства будут исключительно частными и применяться для осуществления отсроченных платежей [15, с. 197–206]. Предполагается наложить запрет на превращение долгов во внутренние деньги. Складывается впечатление, что авторы указанной программы реформ читали о дискуссиях 1925 г. в советском руководстве: «Создает ли кредит добавочную стоимость или кредит распределяет существующие деньги?» [4, с. 39]. И, как кажется, отчасти пришли к схожим выводам.

Программа реформ Уле Бьерга гораздо менее амбициозна – она предполагает возврат от частичного к полному резервированию всех выданных кредитов: «Точно так же как человек способен одолжить велосипед, гаеч-

ный ключ или солонку, только если они у него есть, банки смогут выдавать только те деньги, что у них действительно имеются» [7, с. 292].

Автор данной работы не столь оптимистично смотрит на возможности социального реформирования, особенно в такой чувствительной области, как денежные отношения. Однако пишущему эти строки очевидно, что деньги – это не только из области экономики, но и в не меньшей (или даже большей) степени – из сферы социальной антропологии. Чувствительность к денежному материалу, вменяемый деньгам набор функций и их конкретно-историческая реализация существенным образом зависят не только от общехозяйственных, но и от политических, культурных, географических условий и их более или менее устойчивой и всегда уникальной комбинации. Отсюда – сложность в разрешении вопросов о природе денег, выполняемых ими функций, а также соотношения в них идеального и материального.

На наш взгляд, важными являются не только явные, но и *латентные функции денег*. Напомним, что автор этого термина социолог Роберт Мертон предлагал следующее «разумное основание для различения явных и латентных функций: первые относятся к тем объективным последствиям для определенной единицы (человека, подгруппы, социальной или культурной системы), которые способствуют регуляции или адаптации и для этого и предназначались; вторые относятся к непреднамеренным и неосознанным последствиям того же порядка» [19, с. 161]. Автор данной статьи полагает, что *репрессивная функция денег во многих случаях является латентной для денежного обращения как социального института*.

Литература

1. *Асемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ, 2015. – 693 с.
2. *Акерлоф Дж., Шиллер Р.* *Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 273 с.
3. *Бельих А.* От научного редактора // Рогофф К. Проклятие наличности. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – С. 9–18.
4. *Березкин Ю.М.* Проблемы и способы организации финансов. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – 248 с.
5. *Брикнер А.* Медные деньги в России 1656–1663 и денежные знаки в Швеции 1716–1719. – М.: Ленанд, 2017. – 136 с.
6. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. – М.: Весь мир, 2006. – 672 с.
7. *Бьерге У.* Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 312 с.

8. Гезель С. Естественный экономический порядок. – М.: Концептуал, 2015. – 432 с.
9. Гершенкрон А. Временной горизонт в русской литературе // Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. – М.: Дело, 2015. – С. 478–516.
10. Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 528 с.
11. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. – М.: Дело, 2018. – 424 с.
12. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 4. Записки из мертвого дома. – Л.: Наука, 1972. – 326 с.
13. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики: в 2 т. – М.: Эконов, 1992. – Т. 2. – С. 137–432.
14. Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Божевольнов Ю.В. Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды: демография, экономика, войны. – М.: ЛКИ, 2010. – 256 с.
15. Макмиллан Дж. Конец банковского дела. Деньги и кредит в эпоху цифровой революции. – М.: АСТ: Corpus, 2019. – 256 с.
16. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. 1. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 1200 с.
17. Мартин Ф. Money. Неофициальная биография денег. – М.: Синдбад, 2017. – 352 с.
18. Махмудова М.М., Королева А.М. Антиинфляционная политика, сеньораж и инфляционный налог в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 11, ч. 3. – С. 346–348.
19. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.
20. Мосс М. Опыт о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. – М.: КДУ, 2014. – С. 134–285.
21. Павлов А.Б. Демон перемен: введение в оперативную алхимию российской жизни. – Ульяновск: Павлов А.Б., 2016. – 74 с.
22. Позаненко А.А. «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. – 2018. – Т. 27, № 4. – С. 31–55. – DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55.
23. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2014. – 312 с.
24. Рогофф К. Проклятие наличности. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 472 с.
25. Седлениекс К. Параллель между Латвией и азанде: коррупция как колдовство в латвийском обществе переходного периода // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпишева, О.В. Паченков. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 191–212.

26. *Скотт Дж.* Анализ коррупции в развивающихся странах // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпинова, О.В. Паченков. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 17–55.
27. *Скотт Дж.* Искусство быть неподвластным: анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. – М.: Новое издательство, 2017. – 568 с.
28. *Суриков И.Е.* Платон и Аристотель о монете (к сопоставлению античных и современных научных представлений о появлении монетной чеканки в Греции) // Суриков И.Е. Античная Греция: ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 691–707.
29. *Уэйнрайт Т.* Narconomics: Преступный синдикат как успешная бизнес-модель. – М.: Пальмира, 2018. – 271 с.
30. *Шпенглер О.* Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории. – М.: Альфа-книга, 2014. – 1085 с.
31. *Birch D.* Identity is the New Money. – London: London Publishig Partnership, 2014. – 140 p.
32. *Vjerg O.* Making Money: the Philosophy of Crisis Capitalism. – Cambridge: Cambridge University Press India Private Limited, 2015. – 272 p.
33. *Brown B.* The Case Against 2 Per Cent Inflation: From Negative Interest Rates to a 21st Century Gold Standard. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 232 p.
34. *Fertik M., Thompson D.* The Reputation Economy: How to Optimize Your Digital Footprint in a World Where Your Reputation is Your Most Valuable Asset. – New York: Crown Business, 2015. – 256 p.
35. *Greenfield A.* Radical Technologies: the Design of Everyday Life. – London; New York: Verso, 2017. – 368 p.
36. *McMillan J.* The End of Banking: Money, Credit, and the Digital Revolution. – Claremont, CA: Zero/One Economics, 2014. – 246 p.
37. *Mehta N., Agashe A.* Blockchain Bubble or Revolution: the Present and Future of Blockchain and Cryptocurrencies. – Paravane Ventures, 2019. – 241 p.
38. *Vigna P., Casey M.* The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and the Blockchain are Challenging the Global Economic Order. – New York: Picador, 2016. – 384 p.
39. *Wainwright T.* Narconomics: How to Run a Drug Cartel. – New York: PublicAffairs, 2017. – 288 p.
40. *Warwick D.* The Abolition of Cash: America's \$660 Billion Burden. – London: Create Space Independent Publishing Platform, 2015. – 288 p.

Статья поступила в редакцию 06.04.2019.

Статья прошла рецензирование 25.04.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-267-291

THE CURSE OF CASHLESSNESS AND “MONEY PARTISANS”: THE REPRESSIVE FUNCTION OF TECHNOLOGICALLY ADVANCED MONEY

Khaustov Dmitry,

Cand. of Sc. (Economics),

Associate Professor at the Finance and Accounting Department,

Irkutsk State Transport University,

15 Chernyshevskogo St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5807-696X

SPIN-kod: 8402-2813

dmitry.khaustov1982@mail.ru

Abstract

The article provides an overview of current works on the nature of money in the modern world; considers the problems of the essence of money and their functions on the example of the main topics of the books by F. Martin “Money: The Unauthorized Biography” and K. Rogoff’s “The Curse of Cash”. The author formulates the key contradictions of the “money” category based on the argument that money is a social agreement or a solid amount of the precious metal discussed in the book by F. Martin. In particular, the money of “primitive peoples” can be highly abstract and inconvenient for accumulation - fiduciary money, stimulating trust. This thesis is illustrated by the monetary system of the Yap Islands in the Pacific Ocean. William Laundhes, the secretary of the English treasury at the end of the 17th century, believed that Money is a system of credit accounts and debt repayment, in which cash plays the role of a vivid illustration of the state of an individual account of a member of society. O. Spengler wrote that money is a function, a force, which value lies in its action, not mere presence. The article considers local monetary systems, money with a demurrage, negative interest rates, and a possible waiver of cash circulation. The experience of the so-called “monetary partisans” - local payment systems that operate in parallel with the official monetary circulation is rather interesting. There are possible explanations for the abandonment of paper money in favor of metal in medieval China. The practice of Khubilai’s financiers, perhaps, was one of the factors in the fall of the Yuan dynasty. The double currency circulation was probably used for the first time in history as a repressive economic mechanism on such a large scale. The introduction of significant negative interest rates can stimulate a variety of social practices that can be described as “corruption”. It is concluded that there is a categorical dichotomy in the structure of the concept “money” – money as a commodity and as a tool for the transit of debts. The author supposes that technologically advanced forms of money can perform a repressive function. The author believes that we can talk about a kind of monetary cyberpunk, by analogy with cyberpunk – the science fiction genre, describing the decline of human culture against the background of technological progress in the computer age. The

repressive function of money in many cases is latent for monetary circulation as a social institution.

Keywords: functions of money, local monetary systems, paper money of medieval China, Silvio Gesell, negative interest rates, dual currency, waiver of cash, Rai stones, monetary cyberpunk, repressive function of money.

Bibliographic description for citation:

Khaustov D. The Curse of Cashlessness and “Money Partisans”: The Repressive Function of Technologically Advanced Money. *Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 4, pt. 2, pp. 267–291. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-267-291.

References

1. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Publishers, 2012 (Russ. ed.: Acemoglu D., Robinson Dzh. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye: proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety*. Moscow, AST Publ., 2015. 693 p.).
2. Akerlof G., Shiller R. *Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy, and why it Matters for Global Capitalism*. Princeton, Princeton University Press, 2009 (Russ. ed.: Akerlof Dzh., Shiller R. *Spiritus Animalis, ili Kak chelovecheskaya psikhologiya upravlyaet ekonomikoi i pochemu eto vazhno dlya mirovogo kapitalizma*. Moscow, Yunaited Press, 2011. 273 p.).
3. Belykh A. Ot nauchnogo redaktora [Foreword]. Rogoff K. *Proklyatie nalichnosti* [The Curse of Cash]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018, pp. 9–18.
4. Berezkin Yu.M. *Problemy i sposoby organizatsii finansov* [Problems and Ways of Organizing Finances]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2006. 248 p.
5. Brikner A. *Mednye den'gi v Rossii 1656–1663 i denezhnye znaki v Shvetsii 1716–1719* [Copper Money in Russia 1656–1663 and Banknotes in Sweden 1716–1719]. Moscow, Lenand Publ., 2017. 136 p.
6. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. T. 2. Les jeux de l'échange* [Civilization and Capitalism, 15th–18th Centuries. Vol. 2: The Wheels of Commerce]. Paris, Armand Colin, 1986 (Russ. ed.: Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2. Igra obmena*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2006. 672 p.).
7. Bjerg O. *Making Money: The Philosophy of Crisis Capitalism*. London, New York, Verso, 2014 (Russ. ed.: B'erg U. *Kak delayutsya den'gi? Filosofiya postkreditnogo kapitalizma*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2018. 312 p.).
8. Gesell S. *Estestvennyi ekonomicheskii poryadok* [The Natural Economic Order]. Moscow, Kontseptual Publ., 2015. 432 p. (In Russian).
9. Gerschenkron A. Vremennoi gorizont v russkoi literature [Time Horizon in Russian Literature]. Gerschenkron A. *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoi perspektive* [Economic Backwardness in Historical Perspective]. Moscow, Delo Publ., 2015, pp. 478–516. (In Russian).

10. Graeber D. *Debt: The First 5000 Years*. Brooklyn, Melville House, 2011 (Russ. ed.: Greber D. *Dolg: pervye 5000 let istorii*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015. 528 p.).
11. Greenfield A. *Radikal'nye tekhnologii: ustroistvo povsednevnoi zhizni* [Radical Technologies: the Design of Everyday Life]. Moscow, Delo Publ., 2018. 424 p. (In Russian).
12. Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii*. V 30 t. T. 4. *Zapiski iz mertvogo doma* [Collected Works. In 30 vol. Vol. 4. The House of the Dead]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 326 p. (In Russian).
13. Keynes J. The General Theory of Employment, Interest and Money. *Antologiya ekonomicheskoi klassiki* [Anthology of Economic Classics]. Moscow, Ekonov Publ., 1992, vol. 2, pp. 137–432. (In Russian).
14. Korotaev A.V., Khalturina D.A., Bozhevol'nov Yu.V. *Zakony istorii: vekovye tsikly i tysyacheletnie trendy: demografiya, ekonomika, voyny* [The Laws of History: Centuries-old Cycles and Millennial Trends. Demographics, Economy, War]. Moscow, LKI Publ., 2010. 256 p.
15. McMillan J. *The End of Banking: Money, Credit, and the Digital Revolution*. Zurich, Zero/One Economics, 2014 (Russ. ed.: Makmillan Dzh. *Konets bankovskogo dela. Den'gi i kredit v epokhu tsifrovoi revolyutsii*. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2019. 256 p.).
16. Marx K. *Kapital: kritika politicheskoi ekonomii*. T. 1 [Capital. Critique of Political Economy. Vol. 1]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2016. 1200 p. (In Russian).
17. Martin F. *Money. Neofitsial'naya biografiya deneg* [Money. The Unauthorized Biography]. Moscow, Sindbad Publ., 2017. 352 p. (In Russian).
18. Makhmudova M.M., Koroleva A.M. Antiinflyatsionnaya politika, sen'orazh i inflyatsionnyi nalog v Rossiiskoi Federatsii [Anti-Inflationary Policy, Seigniorage and Inflation Tax in the Russian Federation]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Journal of Economy and entrepreneurship*, 2014, no. 11, pt. 3, pp. 346–348.
19. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST Publ., Khranitel' Publ., 2006. 873 p. (In Russian).
20. Mauss M. *Essai Sur Le Don* [The gift]. Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost': trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. Moscow, KDU Publ., 2014, pp. 134–285. (In Russian).
21. Pavlov A.B. *Demon peremen: vvedenie v operativnuyu alkhimiyu rossiiskoi zhizni* [The Demon of Change. Introduction to the Operational Alchemy of Russian Life]. Ulyanovsk, Pavlov A.B. Publ., 2016. 74 p.
22. Pozanenko A.A. "Otdel'naya tipa respublichka": strukturnye osobennosti prostanstvenno izolirovannykh lokal'nykh sel'skikh soobshchestv ["A Kind a Separate Little Republic": Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities]. *Mir Rossii – Universe of Russia*, 2018, vol. 27, no. 4, pp. 31–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55.
23. Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2014. 312 p. (In Russian).

24. Rogoff K. *Proklyatiye nalichnosti* [The Curse of Cash]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018. 472 p.
25. Sedlenieks K. Parallel' mezhdru Latviei i azande: korruptsiya kak koldovstvo v latviiskom obshchestve perekhodnogo perioda [The Parallel between Latvia and Azande: Corruption as Witchcraft in Latvian Society in Transition] *Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod k issledovaniyu korruptsii* [Fighting Windmills? Socio-anthropological Approach to the Study of Corruption]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007, pp. 191–212. (In Russian).
26. Scott J. Analiz korruptsii v razvivayushchikhsya stranakh [The Analysis of Corruption in Developing Nations]. *Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod k issledovaniyu korruptsii* [Fighting Windmills? Socio-anthropological Approach to the Study of Corruption]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007, pp. 17–55. (In Russian).
27. Scott J. *Iskusstvo byt' nepodvlastnym: anarkhicheskaya istoriya vysokogorii Yugo-Vostochnoi Azii* [The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2017. 568 p. (In Russian).
28. Surikov I.E. Platon i Aristotel' o monete (k sopostavleniyu antichnykh i sovremnykh nauchnykh predstavlenii o poyavlenii monetnoi chekanki v Gretsii) [Plato and Aristotle about the Coin: Comparison of Ancient and Modern Scientific Ideas about the Appearance of Coin Minting in Greece]. Surikov I.E. *Antichnaya Gretsija: mental'nost', religiya, kul'tura (Opuscula selecta I)* [Ancient Greece: Mentality, Religion, Culture (Opuscula Selecta I)]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2015, pp. 691–707.
29. Wainwright T. *Narconomics: Prestupnyi sindikat kak uspehnaya biznes-model'* [Narconomics: How to Run a Drug Cartel]. Moscow, Pal'mira Publ., 2018. 271 p. (In Russian).
30. Spengler O. *Zakat Zapadnogo mira: ocherki morfologii mirovoi istorii* (Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte) [The Downfall of the Occident]. Moscow, Al'fa-kniga Publ., 2014. 1085 p. (In Russian).
31. Birch D. *Identity is the New Money*. London, London Publishig Partnership, 2014. 140 p.
32. Bjerg O. *Making Money: the Philosophy of Crisis Capitalism*. Cambridge, Cambridge University Press India Private Limited, 2015. 272 p.
33. Brown B. *The Case Against 2 Per Cent Inflation: From Negative Interest Rates to a 21st Century Gold Standard*. London, Palgrave Macmillan, 2018. 232 p.
34. Fertik M., Thompson D. *The Reputation Economy: How to Optimize Your Digital Footprint in a World Where Your Reputation is Your Most Valuable Asset*. New York, Crown Business, 2015. 256 p.
35. Greenfield A. *Radical Technologies: the Design of Everyday Life*. London, New York, Verso, 2017. 368 p.
36. McMillan J. *The End of Banking: Money, Credit, and the Digital Revolution*. Claremont, CA, Zero/One Economics, 2014. 246 p.
37. Mehta N., Agashe A. *Blockchain Bubble or Revolution: the Present and Future of Blockchain and Cryptocurrencies*. Paravane Ventures, 2019. 241 p.

38. Vigna P, Casey M. *Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and the Blockchain are Challenging the Global Economic Order*. New York, Picador, 2016. 384 p.
39. Wainwright T. *Narconomics: How to Run a Drug Cartel*. New York, PublicAffairs, 2017. 288 p.
40. Warwick D. *The Abolition of Cash: America's \$660 Billion Burden*. London, Create Space Independent Publishing Platform, 2015. 288 p.

The article was received on 06.04.2019.

The article was reviewed on 25.04.2019.